Глава 19

Увидев Алека, который неожиданно добавил, что летний отпуск — это время, когда можно передохнуть и посмотреть на море, Дэниел почувствовал, что тот, как и он сам, тоже скрывает собственную неловкость. По какой-то причине сердце Дэниела дрогнуло, и он не смог сразу ответить.

Летний сезон отпусков всегда был для него испытанием. Да и не только летом — то же самое происходило и в конце года. Праздность делала Дэниела, привыкшего жить с единственной целью стать чемпионом мира, похожим на человека, придавленного валуном, — он начинал испытывать тревогу.

Он всегда жил, считая такой ритм чем-то само собой разумеющимся, и планировал продолжать в том же духе. Но затем человек, о котором он никогда даже не задумывался, предложил провести лето вместе. И от этого он вдруг почувствовал себя счастливым и взволнованным.

— Дэниел.

— …

— Я хотел бы услышать твой ответ.

— …Хорошо.

В последнее время, даже по его собственной оценке, ним происходило немало странных вещей. Он с трудом кивнул и сам не заметил, как отвёл взгляд. На губах Алека расцвела яркая улыбка. Казалось, сердце сейчас выскочит из груди.

— Отлично. Но на всякий случай уточню: я не имею в виду просто невинные прогулки за ручку и совместные поездки.

— …Я знаю.

— Кстати, тот день мне понравился. Думаю, мы с тобой довольно совместимы, Дэниел…

— Я понял, к чему ты клонишь, так что просто замолчи!

— Мы будем пользоваться одной кроватью…

— Нет, этого не будет! Говори что-то разумное!

Лицо Дэниела покраснело так, будто вот-вот взорвётся. Алек, похоже, был полностью доволен такой реакцией. Последняя фраза ведь была шуткой, правда?

Дэниел осторожно огляделся, опасаясь, что их могли услышать.

— Куда-нибудь хочешь поехать?

— Не особенно. Решай сам.

— Тебе больше нравится город или курорт?

— …Думаю, лучше город. На курорте я слишком расслаблюсь.

— Ты избегаешь моего взгляда, потому что смущаешься?

Это был вопрос-атака. Дэниел, который в этот момент запихивал в рот десерт, хотя даже не собирался его есть, чуть не выплюнул всё обратно. Закашлявшись, он едва не задохнулся, а Алек рассмеялся, явно получая от этого искреннее удовольствие.

Сможет ли он привыкнуть к этому неожиданному человеку к лету?

Он не знал.

Единственное, в чём был уверен — этот человек выглядит очень счастливым, и сам он впервые в жизни с нетерпением ждёт летних каникул. Даже после того как он взял салфетку, которую протянул Алек, Дэниелу понадобилось немало времени, чтобы привести в порядок пылающее лицо.

После еды сон как рукой сняло. Ему хотелось смыть с себя усталость и немного потренироваться.

Погода идеально подходила для лёгкой пробежки, но это был отель рядом с трассой. Если он выйдет один, с большой вероятностью его атакуют журналисты и официальные лица. Он не хотел участвовать в этой реальной версии «Сапёра».

Дэниел уже подумывал согласиться хотя бы на беговую дорожку, когда Алек неожиданно сообщил, что через несколько часов у него самолёт.

— Ты уже уезжаешь? Так внезапно?

— У меня есть дела, которые нельзя отложить. Жаль, но я не могу задерживаться дольше.

Алек выглядел действительно расстроенным.

Дэниел сделал вид, что это его не задело, но был ошеломлён. Этот человек, который до рассвета давал интервью и влиял на медиа, утром приехал за ним, накормил его, а теперь говорит, что улетает днём. Он, вероятно, будет работать и вечером. Так, когда же он спал?

— Буду ждать хороших результатов в оставшихся гонках.

— Спасибо. Думаю, у меня не будет возможности связываться с тобой, я буду занят, но если что-то случится — передам через менеджера.

— У тебя новый менеджер?

— Да. Гоночный инженер порекомендовал человека, он скоро начнёт работать.

Алек, уже направлявшийся в лобби после еды, остановился с выражением недоверия.

— Он надёжный?

— Пока не знаю. Я с ним ещё не работал.

— Тогда, может, пока подождать? Я попрошу Мартина подобрать несколько кандидатов, ты сравнишь и выберешь…

— Нет, всё нормально. Не нужно так беспокоиться.

— …

— Я не пытаюсь отгородиться или отвергнуть твою заботу, просто хочу сам справляться с тем, что могу.

Если подумать, ему следовало поступать именно так с самого начала.

Он передал слишком много полномочий менеджеру, который был всего лишь ассистентом. К чему привело слепое доверие только потому, что тот был хорошим человеком и с ним было легко общаться? Он не хотел говорить, что доверять людям неправильно, но сам был виноват в том, что позволил ситуации дойти до уровня слепой веры. Поэтому он не хотел снова совершать ту же ошибку.

— Это достойная позиция.

Алек не выглядел полностью убеждённым, но, похоже, понял, что в его твёрдой позиции нет пространства для компромисса, и послушно кивнул. Когда приехал пустой лифт, Дэниел без раздумий вошёл внутрь.

— Но иногда выгоднее оставлять пространство для вмешательства других. Часто эффективнее поручить дела окружающим и использовать их потенциал, чем настаивать на том, чтобы делать всё самому только потому, что это твоё дело.

— Это очень деловой подход, но заявление не самое располагающее.

— Дело не в этом. Суть в том, чтобы оставить пространство и…

Это был момент, когда двери лифта беззвучно закрылись. Теперь, по привычке, они оказались лицом друг к другу. Рука, обвившая его талию, ощущалась как тонкий ремень. Его тело притянули слишком плотно, и в тот момент, когда он поднял голову, их губы встретились.

У него не было времени решить, нравится ему это или нет. Он мог лишь отчётливо ощущать холод синих солнцезащитных очков, коснувшихся кончика его носа. Поцелуй, словно удав, обвивающий добычу, поглощал каждое дыхание — он был коротким, но по позвоночнику пробежала дрожь от основания спины к плечам и затылку. В одно мгновение в горле стало тепло.

Напряжение охватило всё тело. Прежде чем лифт достиг первого этажа, он отстранился и прошептал:

— Это значит, что тебе стоит попробовать использовать меня в своих интересах.

— …Если ты ещё раз сделаешь это так внезапно, в следующий раз я тебя ударю.

— Если ты собирался сказать это, тебе следовало хотя бы сделать вид, что отталкиваешь меня.

Это было неопровержимое утверждение. Дэниел вытер губы тыльной стороной ладони и уставился на него. Двери открылись, и он почувствовал влажный воздух снаружи. Дэниел практически сбежал из лифта.

— Дэниел, тебе лучше даже не думать о карьере переговорщика после пенсии. Пару удачных сделок — и тебя обдерут до нитки.

— Тебе вообще стоит такое говорить? Звучит отвратительно.

— Можешь делать вид, что не замечаешь, но я-то вижу — ты ко мне уже привязываешься.

— …

— Потому что со мной то же самое.

Мужчина, на мгновение улыбнувшись, теперь шёл вровень с Дэниелом. Мартин, ожидавший в зоне лобби, узнал их и первым поприветствовал. Пока Дэниел стоял, засунув руки в карманы и наблюдая, как Алек садится в машину, несколько гостей отеля узнали его. Похоже, лучше было вернуться на свой этаж, пока не стало шумно.

— Береги себя. Увидимся через месяц.

— …И ты тоже.

Прощание было кратким, но этот момент почему-то запомнится надолго. Дэниел, наблюдавший за тем, как седан уезжает, заставил себя сдвинуться с места.

Вернувшись в номер, Дэниел принял душ. С полотенцем, обёрнутым вокруг талии, он оглядел влажную комнату. Во время Гран-при он был настолько не в себе, что ничего не заметил, но теперь увидел, что в номере царит полный беспорядок. Всё: от наполовину выпитых бутылок низкокалорийной колы до смятых букетов цветов — было брошено и забыто на консольном столике. Он запоздало выбросил ненужное в мусорное ведро и после небольшой уборки наконец смог встать перед зеркалом, чувствуя себя обновлённым.

Приятное ощущение чистоты и лёгкой эйфории наполнило всё его тело. Его волосы, влажные, словно после ливня, блестели и были гладкими, как шёлк, а кожа, мягкая как атлас, казалась чистой и свежей. Его глаза, избавившиеся от сонливости и вновь ставшие ясными, были полны той особой жизненной силы человека, который не тратит впустую ни одного дня.

Когда он включил телевизор вместо радио, спортивный канал показывал их с Серджио лица попеременно.

Инцидент с расизмом в Формуле-1 сам по себе был достаточно горячей темой, но тот факт, что в нём были замешаны победитель и бывший чемпион мира, вызвал ещё больший резонанс. Реакция публики и СМИ не сильно отличалась от ожидаемой.

Дэниел, не проявляя интереса, вытер волосы полотенцем и взял фен.

[По слухам, команда Featherway не только возобновляет работу своего британского завода, но и планирует построить новый рядом с Сильверстоуном. Что вы думаете об этом, учитывая, что результаты Дэниела привлекают столько внимания?]

[Как спонсор, я очень доволен. Дэниел демонстрирует результаты, которых никто другой не смог достичь. Неудивительно, что ходят такие слухи. Было принято решение, что активные инвестиции будут выгодны в долгосрочной перспективе. Мы планируем сосредоточиться не только на строительстве завода, но и на привлечении первоклассных технических специалистов.]

[Означает ли это заявление… что вы подтверждаете слухи?]

[Верно. Walker Group планирует всерьёз инвестировать в Формулу-1.]

В тот момент раздался знакомый голос. Удивительно, но по телевизору показывали интервью с Алеком, которое он давал репортёру в Сильверстоуне. Дэниел замер, не донеся руку до волос, в которых всё ещё сохранялось тепло, и молча уставился на мужчину на экране.

[Довольно революционное решение. Не думаете ли вы, что появятся опасения, будто вы идёте на чрезмерные инвестиции ещё до завершения сделки по приобретению?]

[Нет причин экономить на инвестициях для пилота и команды, которые отдают все силы ради результата.]

Когда он успел дать это интервью? Судя по времени, это было примерно сразу после церемонии награждения. Дэниел ещё тогда задавался вопросом, почему не видел его на трассе, но и представить не мог, что тот так усердно общался с журналистами. Даже в такие моменты Алек не терял ни секунды.

Дэниел восхищался его педантичностью, но странным образом не почувствовал желания улыбнуться. Напротив, из глубины груди поднималось что-то горячее, почти обжигающее.

[Дэниел Линдберг — прирождённый гонщик.]

Кто-то верит в него и поддерживает там, где он сам этого не видит и не знает. Это была простая мысль, но эмоции захлестнули его так сильно, что он с трудом мог дышать. Он не мог отвести взгляд — точно так же, как тогда, когда увидел Алека Уокера, стоящего спиной к красным гвоздикам в Испании в июне. И, в отличие от того раза, теперь он всё чаще чувствовал, что за этим взглядом движется не только внимание, но и сердце.

Новости переключились на следующую тему, но Дэниел так и остался стоять на месте. Спустя долгое время его заставило пошевелиться знакомое имя на экране телефона.

Наоми Меркьюри.

Звонок был от человека, которого даже назвать матерью казалось неловким.

— …Алло.

[Дэниел! Я смотрела гонку! Поздравляю с победой на Гран-при!]

Слово «мать» было чуждым им обоим. Дэниел мягко улыбнулся и сосредоточился на её взволнованном голосе. Она, рассуждая о том, что нужно было приехать, если бы знала, чем всё закончится, звучала удивительно легкомысленно для своего возраста.

— Спасибо, Наоми.

[Я так, так тобой горжусь. Это невероятно. Я знала, что ты когда-нибудь этого добьёшься!]

— Я рад, что это случилось не слишком поздно. Думал, ты занята съёмками… Новости до тебя быстро дошли, да?

[Конечно. Даже если я сама пропущу, мне всё расскажут окружающие. Что же я буду делать, если ты действительно станешь чемпионом? Мне, кажется, придётся бросить всё — съёмки и прочее — и примчаться засыпать своего сына поцелуями!]

— Я просто приму это как должное.

Дэниел откинулся на спинку сиденья и тихо слушал её щебечущий голос.

С тех пор как Ноэль и Наоми сыграли «свадьбу века» и усыновили их, прошло уже больше десяти лет. В отличие от Ноэля, который был рядом с Дэниелом и Джошуа ещё со времён завершения своей карьеры пилота, Наоми была занята съёмками за границей, и они виделись лишь несколько раз в год.

Как актриса она стремилась к совершенству, но как родитель придерживалась дистанционного подхода. Наоми, доверив детей мужу, держала сценарий так, словно это было её призвание, словно священнослужитель — вместо того чтобы держать за руки двух сыновей.

Он не испытывал к Наоми неприязни. Объятия, которые она дарила им, улыбаясь и подходя к ним на горнолыжном курорте каждый год, были тёплыми, и, что главное, она не была человеком, который бы отказался от своих родительских обязанностей, даже если и держалась отстранённо.

Когда она узнала, что муж подвергал сыновей насилию, она добилась развода и встала на сторону братьев. При условии, что причина развода не будет раскрыта общественности, она выплатила Ноэлю огромную сумму и выдержала бесчисленные слухи, которые прилипли к ней, словно ярлык, обвиняя во всех грехах.

Со временем Дэниел начал испытывать к ней чувство вины и долга. И то, что она была единственным человеком, которому он мог доверить Джошуа, ещё сильнее мешало ему смотреть на мир прямо. Она была единственным каналом связи между братьями и краем той пропасти, на котором стоял Дэниел.

«Что у меня вообще осталось?» — это был человек, который поддерживал его снизу даже в те моменты, когда подобные мысли приходили ему в голову.

— Наоми. У меня есть просьба.

[Что это, ты просишь меня о помощи?]

— Ты могла бы передать одно сообщение Джошуа?

[…]

Когда его гоночные результаты не улучшались, сколько бы он ни тренировался, когда ему казалось, что никто не признает его усилий, в те времена, когда он думал, что живёт в этом мире совершенно один, он и представить не мог нынешнего момента.

Это был мир, который казался тесным, полностью погружённым в гонки. Он не замечал ни спонсора, признавшего в нём прирождённого гонщика, ни матери, которая где-то далеко ждала новостей и его звонка. Но теперь он видел всё иначе.

— Передай ему, что у меня всё ещё есть свисток. Передай, что я всё ещё не сдался…

Обещание, которое он должен был сдержать, по-прежнему давило на него, и гонки не всегда приносили удовольствие. Но он будет бороться изо всех сил, чтобы оставаться на трассе до самого конца. С короной на голове он словно летел, и бояться было нечего.

Он станет чемпионом мира.

Это больше не было вымученным предположением — это было утверждение, которое он мог произнести с полной надеждой и уверенностью.

И в мгновение ока прошёл месяц.

http://bllate.org/book/17841/1745066